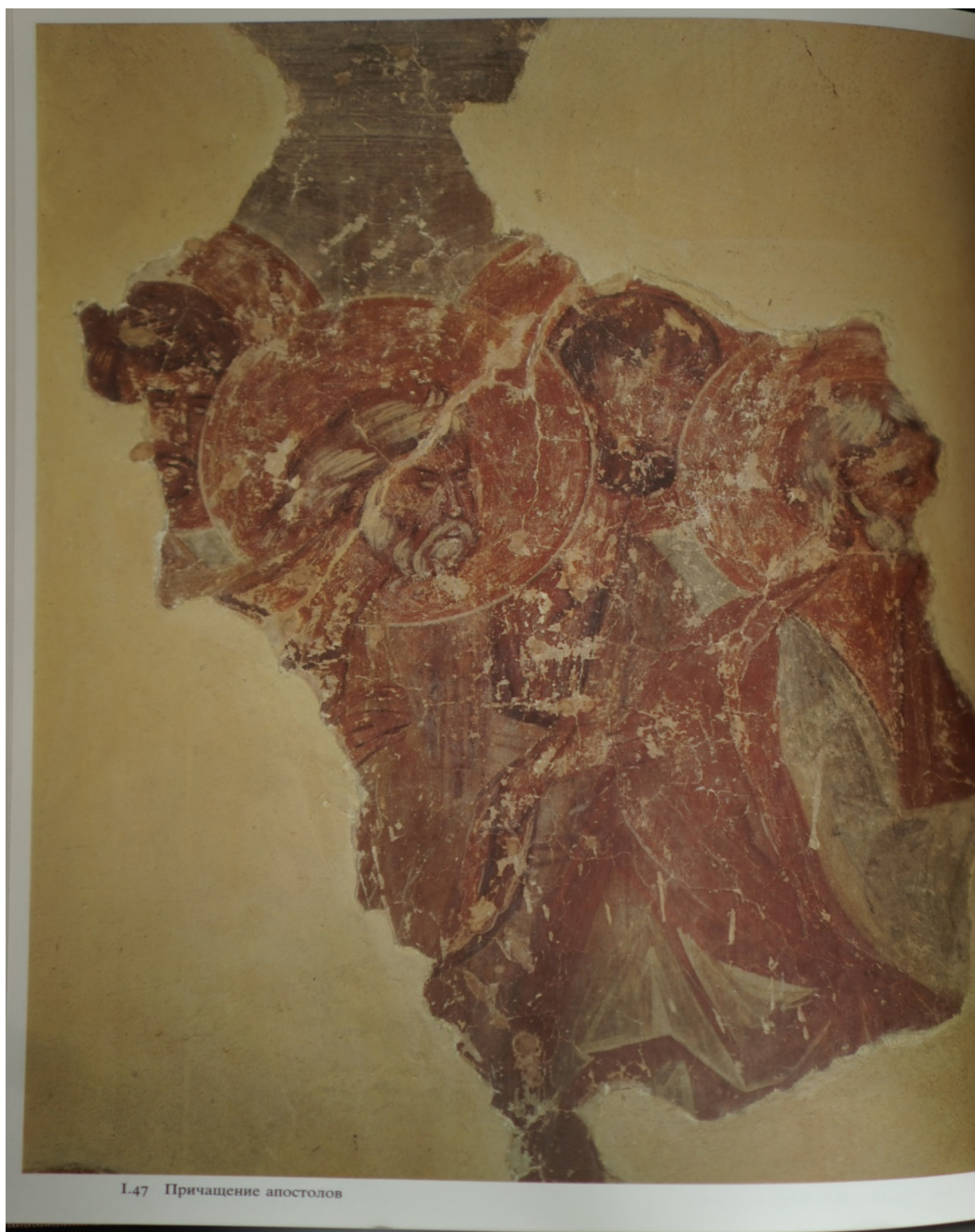

Жесты апостолов Причащения и кошелёк Иуды.

Если бы композиция «Причащение апостолов» была лишь иллюстрацией к евангельскому сюжету, она не несла бы она в себе столь напряжённо – символического, литургического содержания. Иуда – причащается вместе со всеми, вместе с нами, грешными. Он даже не выделен каким-то явственным знаком из среды апостолов, как это встречается в некоторых изводах этого сюжета, где у Иуды может появиться некий явственный знак, отделяющий чуждого, показано особенное эмоционально состояние, выражаемое к нюансам позы, выражению лица, - не наш, не от нашей среды, не брат нам... Иуда в рассматриваемом нами сюжете неотделим от остальных, причащается Крови Спасителя вместе со всеми, в общем чинопоследовании. В образе «Причащения» место предавшего – могло бы пустовать или быть восполненным иным избранным апостолом. Образы причащающихся апостолов могут быть и несколько обезличенными, - когда внятно воспринимается лишь общее их число – двенадцать. Впрочем, это суждение, быть может, слишком земное. Но с поверхности нашей это видится именно так: апостолы причащаются небесных даров, находясь ещё на земле, причащаются от небесного престола предвечным Спасителем, собственноручно и вместе с тем – причащаются Спасителем, не расставшимся со Своею человеческой плотью, несущим на Себе знаки будущего или уже свершившегося распятия, воскресения – крестчатый нимб, стигматы. И апостолы в изображённом причащении ещё не расстались со своей брэнной плотью, ещё и не ведают о грядущем воскресении, не "разошлись" по міру святыми мощами в раках и частицами их – в иконных мощехранилищах. По человеческому естеству ещё живы апостолы, ничего не ведают о грядущем, любят всем сердцем Учителя и помышляют, что никогда не оставят, не смогут отречься от Него, уснуть рядом накануне Его распятия...- живы по своему окамененно - нечувственному человеческому естеству... видят живого Иисуса, Равви, не распознавая в Нём воплотившегося Бога. Видят своими телесными глазами – человеческую Его плоть... и принимают хлеб и вино, не помышляя о Святых Дарах, удаляются сердцем и причащаются. Но, вместе с тем, композиция «Причащение апостолов» никак не является вариантом образа «Тайная Вечеря», причащающиеся - соучаствуют в небесной литургии, не распознавая её, не узнавая её человеческим естеством, принимают Святые Дары, как Таинство неизреченное. В образе «Тайной Вечери» апостолы ещё не осознают своего соучастия в Литургии Небесной, ещё – объяснимо описанное евангелием уныние апостолов после распятия, после погребения Уничижённого до воскресения Его. Вне опытного приникания к Литургии Небесной - объяснимо неведение и недоумение шествовавших в Эмаус апостолов Луки и Клеопы... объяснимо и естественно восклицание Фомы... Небо ещё не усвоено, ещё не распознано апостолами – в обстоятельствах земного со-бытия с Богом. Участвуя в земном, апостолы ещё не ведают о небесном, зыблющемся гадательно, свершающемся помимо их ведения, - уж если не вопреки, то вне зависимости от их разума и вне контекста их неразумия. Вот и теперь за литургией ангелы соучаствуют в причащении, а мы течём к Чаше, приближаемся ко Святым Дарам, поём едва слышно: «Тело Христово примите, Источника бессмертия вкусите...» - и не распознаём Небесного Источника в Святых Дарах, принимая без-смертие внутрь себя, "во утробу, в составы, в сердце..." - и не выпускаем откровенными, скрещенными руками кошеля, пригреваемого на груди.

Причащение апостолов. Деталь. Северная часть апсиды

Позволим себе некоторое наблюдение, касающееся изображения рук апостолов. Сложно по оставшимся фрагментам росписи достоверно судить о целом утраченной композиции, но мы видим откровенные руки не у одного лишь апостола Иуды. В изображении несколько неряшливого, достаточно молодого человека – именно этот апостол. Но к Спасителю устремлены откровенные руки апостола и в сохранившемся фрагменте композиции с противоположной стороны световых окон, - по принятой атрибутивной трактовке это апостол Андрей.

Во множестве иконографических вариантов образа «Причащения апостолов», как части «Небесной Литургии» подходящих учеников изображают как с открытыми, так и с покрытыми руками, - вполне возможны варианты, в которых перемежаются эти варианты изображений, вводятся внутренние символические смыслы на языке изображённых жестов, разделяются изображения апостолов, причащающихся Хлебom Плоти и

приемлющих Хлеб откровенными руками... и изображения принимающих Вино Крови Христовой руками прикровенными. Очень часто, почти всегда в изображениях «Причащения» Таинственный Хлеб приемлется рукой или руками - открытыми, Вино Крови Христовой входит в сокровенную глубину человека - и священный сосуд принимается апостолом покрытыми руками. Руки апостола Андрея на рассматриваемой нами фреске – открыты и приподняты на уровень верхней части груди... Попытаемся помыслить, отчего руки причащающегося могут быть изображены открытыми, как на рассматриваемой нами фреске. Выскажем лишь версию, личное мнение, домысел... потщимся домыслить за видимым символом... домыслить лишь одну из граней вложенных смыслов. Как знать, не есть ли в изображении приподнятых открытых рук апостола – свидетельство того, что перед нами икона Небесной евхаристии, прообразуемой на земле. Апостолы, принимая Хлеб и Вино от Спасителя, произносящего: «сие творите в Моё воспоминание... Сие есть Плоть Моя, Сие есть - Кровь Моя...» - ещё не вполне понимают, о чём, собственно, речь, ещё не знают, что именно говорит Учитель, как не воспринимали в Преображении на горе слов, произносимых Им о Своем грядущем Распятии. Апостолы воспринимают от Учителя, собственно, хлеб и вино - и не видят в этих составах торжественной трапезы никакого таинства, никакого символа... "В Моё воспоминание" - лишь как обращение к памяти о происходящем - воспринимается апостолами этот императив, призыв ко свершению литургии до скончания века, о солитургисании земного и небесного. Утаены смыслы произошедшие и происходящие за Вечерей - Таинственной. Вопреки этому непониманию, неразумению литургисающих – творится, действительно открывается образ и Таинства - входят в восприемников. В образе «Причащение апостолов» - вмещено это раскрытие небесного смысла в зеном действии, проявление небесного в земном.... Простирание земного в небесное. Апостол, уведавший о таинстве в происходящем – укрывает ладони, принимающие таинство. Покров рук – отделяет Тайну от поверхностного прикосновения прежде, чем всецело – вникнуть этой Тайне в самую глубь принимающего Её и смешаться с человеком во глубине его естества. Откровенный образ воспринимается откровенными руками людей, не ведающих о тайне. Как откровенен Сам Бог, явившийся Луке и Клеопе: вот Он среди них, идёт и говорит, проповедует о Самом Себе, явственно присутствует с учениками, более того, входит в комнату общего собрания и разделяет трапезу со Своими учениками, которые не распознают «закрытыми глазами» в Нём своего Христа, с Которым провели столько времени... просто - слушают своего со-путника и едят с Гостем, до самого преломления Им хлеба, когда открылись их глаза и Живой Бог - восстал пред их пробудившемся разумением. До времени - словно бы физически - затворены открытые глаза. Имеют очи и не видят – словно бы и вовсе не имеют очей. В земном совершающемся событии – не различают образа и явственной за ним сущности. Не этот ли оттенок смысла вкладывает мастер Феофан в это изображение, при-внося в образ Небесной литургии символ свершающегося откровения Бога перед земным неразумением, неведением о Нём. Руки апостолов, не ведающих о таинственном, устремлены к Спасителю, к Хлебу, к Вину – либо прижимают кошель с деньгами к себе, либо, – принимают Царя не от мира сего, не представляя себе существа происходящего с ними. И свершающееся таинство превышает всякое возможное представление апостолов. Непредставимое - таинственно воспринято руками апостолов, не ведающих того, что творят, Кого принимают - творят первую литургию Нового Завета, – не ведая о том, что свершается ими... что совершает с ними - Бог. Хлеб Плоти Бога вмещается в ладонь человека, как в Чашу... Сосуд Крови приемлется рукой, ограждённой от прямого

соприкосновения... прежде чем проникнуть внутрь человеческого существа, составов, сердечных глубин. И свершаемое таинственно - усваивается небесным, преходя от земного в превечное...

Не к нам ли эти изображения не прообразы ли самих нас, предстоящих образу и свершающемуся таинству. К нам, причащаемым и не ведающим тайны в явленном перед нами. Обширные нимбы увенчивают главы всех предстоящих апостолов. И апостол Иуда в причащении - не предал ещё, на самой грани предательства, но ещё не принял в себя, не сочетался необратимо с бесом измены, с нечистым духом отца лжи. Апостол измены и предательства в литургии увенчан символом святости, - он, избранный в святость - отделён от прочих, выделен из общего числа, приобщён к собору учеников, освящён близостью Христа, проповедью Учителя, жизнью своего Раввунни, совместной с учениками. Иуда может совсем близко прикинуться к Спасителю и тихо спросить Его: «не я ли, Господи?..» Бес – в Иуде проявит себя через малое мгновение, увлечёт ученика Христова, окрадёт пасомое стадо. А сей час Иуда - во святых пребывающий - ещё отделён святостью от падшего мира, источает святость, знаменует святостью и – усвоен Христу, усыновлён Богом, приближен, как ангел, ещё не падший, освящён этой близостью, увенчан нимбом в иконографической трактовке Феофана Грека и написан – в алтаре, вблизи световых окон, над престолом Божественной Литургии - в момент за мгновение до приятия Хлеба и Вина от рук Спасителя.

Но как же примет эти Дары Иуда, как опустит руку в чашу вместе со Христом? - заняты руки кошельком с монетами, прижатыми к чреву... – прямо над горним местом, над престолом, прямо над средоточием совершающейся литургии – на глазах у предстоящего народа Божьего, - у нас на глазах. Не осудим, но убоимся страхом Божиим, с верою - приступая. И вновь - возмыслим об упомянутом неоднократно символе сочетания образа света с образом живописным... Световые окна - расположены в точках свершающегося восприятия даров апостолами внутри композиции Небесной литургии. Прикивание, усвоение таинства, наделение нас частью Божественного естества не может быть никак описано, никак изображено, но лишь символически - преподано нашему уяснению, прояснению нас, а точнее - со-провождению того, что действительно - совершается перед нами и самих нас, воспринимающих Бога Живого. Символ этот неизобразим, - и немощствует изограф Феофан, но не беспомощен мастер образотворец... И се: образ света - таинственно привносит нам свет в свершающееся таинство нашей причастности к Божественному естеству.